

Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты»

Социологический опрос, проведенный среди влиятельных кругов российского общества, показал, что эти социальные группы не обладают модернизационным потенциалом

ЛЕВ ГУДКОВ, БОРИС ДУБИН

Идея элиты возникла и стала распространяться в постсоветской России примерно с середины и особенно к концу 1990-х годов по мере того, как все более очевидным становилась невозможность собственно политической деятельности в стране — выявлялись атрофия свободной конкуренции партий и лидеров, сужение информационного пространства, сферы публичности и дискуссий, сворачивание других институтов, составляющих демократическое общество. Чем дальше от центра событий и влияния отодвигались группы вчерашних реформаторов и заинтересованных в реформах социально-политической системы, тем чаще стали слышны разговоры об элите как внеинституциональной силе или группе (интеллектуалов, специалистов, предпринимателей, носителей другого морального сознания), способной если не порождать, то хотя бы внедрять в сознание масс новые идеи, ценности и образцы.

О том, что мы имеем дело с социальной мифологемой, свидетельствует то, что в большинстве случаев понятие «элита» не предполагает теоретических разработок. Не уточняется, кто составляет элиту, каковы функции этой группы, в чем отличие европейских элит от верхушечных группировок и

кланов в советской системе и постсоветской России. Понятие элиты в подобных работах¹ сводится к представлению о некоторой группе, которая занимает ключевые социальные позиции в государстве либо обслуживает власть, обеспечивая ее поддержкой, технологиями управления, легитимацией; иными словами, это те, кто «принимает решения» или их «готовит». При этом остаются без внимания механизмы включения в элиту (отбор, кооптирование, назначение), признания авторитетности данной группы (кто, по каким основаниям и критериям может зачислять кого-либо в элиту), а также то, чем в сущности занимается элита и каковы последствия ее деятельности. В условиях усиливающегося в последние годы административного произвола в образованной части российского населения почти автоматически восстанавливается старая вера в силу просвещенных людей, способных нравственно и интеллектуально влиять на народ и власть, а тем самым воздействовать и на политическое либо социальное поведение.

Содержание российского понятия «элита» тем самым двоятся, троится, если не становится совсем неопределенным. В силу непроясненности значений, заимствуемых из западного социологического или поли-

тического словаря, понятия элиты сливаются с ушедшим комплексом представлений об интеллигенции либо замещают его. Но в это понятие входят и остатки идеальных воззрений на аристократию, задающую образцы социокультурной стратификации, или буржуазию образования (выпускники университетов), предпринимателей, бюрократию как агентов догоняющей модернизации. Однако в любом случае — и это важно для нашей темы — сюда обязательно включаются образ окружения несменяемой власти, семантика близости к власти, что роднит «элиту» с советским понятием «номенклатура». Сама принципиальная неясность представлений о рассматриваемой «группе влияния» свиде-

Это идеально-типический конструкт, фиксирующий в связной форме идею влияния на нижележащие уровни сообщества со стороны верхних групп либо сословий, обладающих отличными от массы способностями, достоинствами или ресурсами.

По своему происхождению эта идея относится к самой ранней стадии модерности, когда впервые затрагиваются проблемы универсализации или массивификации общества, снятия социальных, правовых и культурных барьеров между людьми разного состояния и превращения сословного социума в достижительское и открытое общество современного типа. Именно тогда впервые в более или менее четком виде формулируется пред-

“Справедливость социального порядка будет сомнительной, если она не санкционирована элитой и ее достижениями”.

тельствует о возлагаемых на нее идеологических упованиях. Перенос западных представлений об элите (и связанных с нею социокультурных функций в обществе) на российские «аналоги» существенно возвышает тех, кто идентифицирует себя в качестве элиты, маскируя их реальное положение и тем самым затемняя понимание их практической деятельности. Все эти соображения заставляют пересмотреть саму трактовку и проблематику элиты в нынешней России.

Концепция элиты

Теории элиты в общественных науках Запада появились не столько в результате эмпирического изучения определенных социальных явлений, сколько были обусловлены потребностью прояснить отношения между разными теоретическими блоками в социальных и политических дисциплинах. Концепты элиты призваны прежде всего разрешить внутридисциплинарные проблемы организации социального и политического знания.

ставление о влиянии высших сословий либо властных и имущественных групп на низшие слои или то, что позднее получает в культурологии и социальной антропологии название «спуск образца» (ранние модели социокультурной динамики в исследованиях моды, СМИ, отчасти политики и т. п.). Однако, в отличие от этого, понятие элиты наделено еще одним значением — моральным авторитетом просвещенных, соединением идеи просвещения и рационализации с идеей эмансипации, в том числе политической и социальной. Другими словами, функциональная роль понятия элиты в социальных и политических науках заключается в том, чтобы ввести представление о движущих силах развития тогда, когда другие источники инновационного процесса (институциональные либо групповые интересы) оказываются в силу тех или иных исторических обстоятельств неясными либо неопределимыми. Тогда начинают подчеркивать силу идей, роль идеологического фактора, обе-

спечивая тем самым консолидацию группы, не имеющей других ресурсов и средств влияния, кроме своих убеждений.

Но как только разговор об элите выходит за рамки коллективных надежд и планов и переходит в разряд категорий, подлежащих операционализации и эмпирической проверке, встает ряд вопросов, касающихся состава и функции элит, а значит, также инстанций и критериев признания ее деятельности. Наиболее важные из них приведены ниже.

- Какова специфика **символических ресурсов группы**? Располагают ли рассматриваемые группы достаточным авторитетом, чтобы быть признанными в обществе в качестве элиты — источника смыслов или таких достижений, которым начинают следовать другие зависимые от нее исполнительские группы? Какова природа этого авторитета, на чем он основывается — на идеях будущего, технологиях, моральной силе либо традициях, и каких именно?
- Каковы **механизмы отбора кандидатов в состав элиты**? Кто отбирает, кого, на основе каких критериев, а также каковы **условия институционализации и воспроизводства группы**?
- Каково воздействие элиты на социальную структуру (социальную стратификацию), как ее достижения вписываются в сложившееся социальное расслоение, как **санкционируется** тем самым **социальный порядок**?
- Достаточен ли авторитет элиты (символический капитал, признанный экстравластными, экстрагосударственными или экстраполитическими инстанциями), чтобы ее суждения и экспертиза принимались во внимание властью, влияя тем самым на **механизмы принятия решения**?

В этом свете важнейшее значение имеют конкретные основы социального порядка. Держится ли он на индивидуальных заслугах и достижениях, признаваемых автономными

сообществами и специальными институтами, в конечном счете — «обществом», или, как в нашем, российском случае, задан «властями предрержащими» и реализован через органы государственного принуждения? В последнем случае социальный порядок не связан с действиями элиты, в роли которой выступает назначенная сверху служба власти. Только в первом случае элита с ее аккумулированными ресурсами «гратификации» (уважение за общепризнанные достижения, реально полученные результаты) вписывается в социальный порядок, который тем самым начинает признаваться обществом в качестве справедливого, общепринятого и морально одобряемого. Справедливость социального порядка будет сомнительной, если она не санкционирована элитой и ее достижениями, а легитимность власти в этих обстоятельствах неминуемо окажется слабой. Именно таковы обстоятельства сегодняшней России.

Другими словами, сами механизмы формирования элиты в открытых обществах становятся значимым фактором социальной стратификации. Поэтому центральные моменты в социологическом представлении об элите — соединение проблематики социального продвижения (публичная, политическая, государственная либо управленческая карьера) с оценками достижения — эффективности, качества действия в той или иной сфере. Именно это сочетание становится основанием для признания *политической роли* соответствующих индивидов (или группы): во-первых, их способности к участию в публичной, открытой политике, которая тем самым преследует общезначимые цели, а во-вторых, их достоинства (морального авторитета), которая позволяет им претендовать на участие в определении стратегии и целей национальной политики. Особую трудность при этом представляют обстоятельства соединения *культурных ценностей*, направляющих те или иные действия «кандидатов в

элиты», — их идеологических установок, нравственных и интеллектуальных характеристик, — с *функциональными требованиями* квалификации (быть лучшим в своей области — компетентным специалистом, экспертом, короче говоря, образцом для подражания в своем деле), а также с *правом на общественно-политическое представительство (авторитетность)*. Только вкупе все три составляющие становятся основанием для социального признания индивида как публичного деятеля, который вправе участвовать в открытом конкурсе на лидерство в качестве представителя организаций массовой поддержки — партий, общественных движений, институтов — либо может быть кооптирован во власть через систему ее исполнительных органов.

Таким образом, не всякая группа носителей уникального ресурса (власти, культуры) может исполнять функции элиты в строгом смысле ². Сложность проблематики элиты в открытых обществах заключается в том, что существуют разнородные критерии выдвижения в «группу принимающих решения». Иными словами, эта проблематика включает в себя все планы образования и институционализации правящей группы, не говоря уже о собственной истории данной области знания.

Важнейший социологический признак так понимаемой элиты — ее открытость, то есть публичный характер оценки и сертификации кандидатов, квалификации их деятельности, доходов, моральных характеристик (честность, умеренность, порядочность). А это означает систематическую *связь элит со всеми другими социальными институтами, функционирующими автономно от власти и ее механизмов: независимыми от государства СМИ, университетами, фондами, общественной экспертизой и прочими образованиями, которые создают среду «публичности» как непрерывное условие обсуждения, рефлексии над действиями представителей элиты и власти. Воплощенные в ведущих институтах ценно-*

сти и значения фиксируют основные общественные ориентиры, а потому общество в лице элиты — через системы отбора, квалификации, признания, вознаграждения — концентрирует и подтверждает эти ценности, поддерживая дух общества ³.

Элита, а вернее, элиты не могут возникать и функционировать без конкурентной системы образования, конкурсной практики занятия ключевых позиций и должностей на общественной, экономической и государственной службе (что не отменяет последующего чисто бюрократического характера карьерного продвижения), которая проходит под контролем «общественности» — СМИ, организаций гражданского общества, опирающихся на суд и политические партии. Принципы и механизмы формирования элиты — это и есть разные формы контроля общества над властью, своего рода «страховка» от монополизации ею центральных функций системы и тем самым от их выхолащивания и последующей деградации. Именно профессиональная группа или культурная среда должна засвидетельствовать ценность и оригинальность достижений данного кандидата, претендующего на вхождение в состав элиты. И лишь после этого публичные выступления последнего по общественно значимым вопросам, заинтересовавшие «всех», превращают его в одного из представителей элит ⁴.

Но такова теория, концептуальная схема элит в открытом обществе, от которой в российском дискурсе мало что остается. Российская «элита» представлена лишь оклоуластными кругами, поскольку нет никаких других образований либо инстанций, санкционирующих авторитет кандидатов в элиту. Соответственно приходится говорить о «позициях элиты», или «позиционной элите», то есть о номенклатуре. В любом случае это порученцы или назначенцы, люди, назначенные на влиятельные позиции

начальством, а стало быть, зависимые от власти и подчиняющиеся ей.

Понятие «элита» в нынешнем российском словоупотреблении не связано прямо с *социальной структурой*. Постсоветская элита лишена черт института или определенной социальной группы с ясными признаками принадлежности и механизмами группообразования. Принадлежность к элите в данном контексте не имеет отношения и к *продуктивности, оригинальности либо образцовости достижений* данного индивида или слоя. Постсоветская элита лишена свойств меритократии — это не научное либо спортивное лидерство, не героическое предпринимательство в духе Генри Форда или Билла

манипуляторами, менеджерами избирательных кампаний, политконсультантами и близкими к ним молодыми управленцами новых массмедиа (прежде всего двух главных каналов телевидения, все более жестко контролируемых государством)⁵. Примерно с середины 1990-х этот термин получил широкое распространение. Появление тематики элиты в постсоветском контексте было вызвано двумя противоположными причинами, а потому данное понятие отличается двойственностью и внутренней несогласованностью. Мотивы первого рода были связаны с поиском ответа на важнейшие вопросы о потенциале модернизации, о том, где следует искать источники образ-

“Российская «элита» — это люди, назначенные на влиятельные позиции начальством, а стало быть, зависимые от власти и подчиняющиеся ей”.

Гейтса. Напротив, будучи социально закрытым и неопределенным множеством, российская элита не имеет отношения и к задачам *символической репрезентации ценностей* всего целого. Перед нами не политические трибуны и демагоги, любимцы толпы, пламенные ораторы и партийные лидеры в духе Муссолини или Черчилля, Мартина Лютера Кинга или Фиделя Кастро и не религиозные деятели, моралисты и этические философы вроде Иоанна Павла II или матери Терезы, Альберта Швейцера или Альбера Камю. По существу, лица, причисляемые к элите, являются либо просто высокопоставленными «чиновниками», либо аффилированными с бюрократией специализированными социальными группами (это, в частности, анонимные или непубличные фигуры: эксперты, представители крупного бизнеса, руководители ведущих СМИ).

Ярлык «элита» стал использоваться в России набирающими силу политическими

ценом и авторитетов для трансформации страны, для перехода от тоталитарного режима к «современному обществу» и адекватной ему форме демократического, правового государства.

Второй комплекс причин был связан с совершенно иными обстоятельствами — с тем, что бюрократия не обладала достаточным авторитетом, значительная часть ее среднего и высшего состава была дезориентирована, отчего возникала потребность сменить основания легитимности. Отвечая на этот запрос власти, группы ее интеллектуальной obsługi все чаще стали предлагать в качестве декоративного прикрытия и идеологического оформления словарь транзитологии, натягивая понятийные определения и характеристики «нормальных обществ» на посттоталитарную реальность и на советские институты и отношения. Определенная часть бюрократии, включая «реформаторов» и тех, кто их вытеснил, но позаимство-

вал их лексику, была крайне заинтересована в том, чтобы представить нынешнее положение дел как завершенный процесс трансформации, как посткризисную ситуацию, стабилизацию и социальный подъем. Именно для этого использовались язык и расхожие термины западной политической, экономической и социологической теорий. По сути, это был процесс социальной мимикрии, перехвата идеологически нагруженных, значимых и легко опознаваемых терминов, использования их для восстановления консенсуса между властью и бюрократией. Слово «элита» оказалось в одном ряду с такими понятиями, как «средний класс», «демо-

Нормы и правила вхождения «номенклатурных функционеров» во властные круги определены базовыми институциональными механизмами тоталитарного режима — не просто членством в партии, а еще и проявлением особой готовности к подчинению, которая отличает кандидатов во «внутреннюю партию». Номенклатура представляет собой слой либо закрытую группу высшего партийно-государственного чиновничества, в кадровый состав которой (списки кадрового резерва) входят специально подобранные или отобранные лица. Номенклатура адаптирует идеологическую догматику применительно к своим корпоративным интересам,

“Иерархия номенклатуры основана не на предметной или деловой компетенции, а на лояльности по отношению к вышестоящей власти”.

кратия», «выборы», использование которых применительно к отечественной ситуации снимает различия между западным обществом и российским. Дескать, все нормально: и там «элита» (совокупность лиц, принимающих решения), и здесь «элита»; имеются, понятно, кое-какие отличия, но все же между этими группами масса общего. Мы же, напротив, хотели бы прояснить особенности российской ситуации — по крайней мере, применительно к данной категории⁶.

Элита — номенклатура — интеллигенция

Российская идеологема «элита» неявно соотносится с двумя категориями «избранных начальством» *высокостатусных государственных служащих советского времени — номенклатурой и интеллигенцией*. Никакой иной модели или образца правящего меньшинства в тоталитарных системах (партиях-государствах) не было и быть не могло. Остановимся на этих значимых моментах чуть подробнее.

хотя сама по себе она не в состоянии предложить какие-либо идеи либо целевые программы.

В советское время этот кадровый состав позволял удерживать контроль над различными сферами социальной жизни и хозяйства, обеспечивая социальную мобильность для избранных. Вне номенклатуры не остается практически никаких других каналов социального продвижения, никаких возможностей достичь значимого статуса или социального признания. Принадлежность к номенклатуре влечет за собой безоговорочное повиновение и следование установкам любой текущей кампании. Номенклатура принимает мнение начальства как собственное (это не беспринципность, а принцип организации слоя). Иерархия номенклатуры основана не на предметной или деловой компетенции, а на лояльности по отношению к вышестоящей власти. Такой принцип обеспечивает возможность переброски функционера из одной сферы управления в любую другую.

Быстрый карьерный рост возможен только при сочетании номенклатуры с массовым террором, то есть в условиях сменяющих друг друга кампаний по уничтожению «врагов» и постоянной опасности для функционера стать жертвой репрессий. Номенклатура предполагает обезличенный стиль, а также специфические средства и технологии управления (командно-административная система). Бесконтрольность и безответственность отдельного функционера (в частности, «освобождение» от юридической ответственности) гарантированы системой корпоративной защиты либо установлением иерархии уровней ответственности: неформальным правом, круговой порукой, корпоративной солидарностью. Включение в состав номенклатуры означает пожизненные карьерные гарантии, иерархию потребления и образов жизни, систематическое двоямыслие. Что касается профессиональных знаний и навыков, то члены номенклатуры получают, как правило, образование общего профиля (чаще — инженерно-техническое), без дальнейшей углубленной специализации в профессии; оно может быть дополнено партийно-идеологической (Высшая партийная школа) и управленческой подготовкой. Гораздо реже сюда попадают специалисты второго ряда — ученые или деятели культуры, ставшие администраторами в своей области⁷. Поэтому включенных в номенклатуру отличают чувство «избранности» и исключительности, сознание причастности к корпорации, замкнутость и — как следствие — грубость нравов и беспринципность. Стиль служебной деятельности характеризуется простотой управленческих механизмов, бюрократизмом и крючкотворством.

Номенклатурный принцип организации имеет ряд неизбежных социальных последствий. Когда репрессивный характер власти ослабевает, то через определенное время наступает децентрализация контроля, воз-

никает тенденция к апроприации властных позиций и появлению различных неформальных связей и личных альянсов («личной унии»⁸) между функционерами, курирующими смежные области управления. Иначе говоря, симптомами разложения номенклатуры являются коррупция, наличие сверхзапасов или омертвление ресурсов, двойной счет, наращивание неучтенных возможностей и сетевых отношений, ослабляющих командный характер управления, — перечисленные явления ведут к нарастающей неэффективности государства.

Второй идеологемой, значимой для процедур идентификации постсоветской «элиты», является «интеллигенция» как носительница знания, а также нравственных и просветительских начал и ценностей⁹. Мифология интеллигенции обеспечивает идеологическую самоидентификацию управленческой бюрократии среднего и низшего уровня, включая работников репродуктивных подсистем общества (школа, культура, массмедиа), поскольку в содержательном плане она, с одной стороны, предполагает апелляцию к ценностям национального целого и прогрессивного развития страны, но, с другой — сохраняет, пусть и в смягченном виде, модель неустранимого патриархального произвола «высших» и подчинения «низших». Интеллигенция играет роль представителя «народа» перед лицом власти, являясь «совестью общества», вестником проблем «народа» и в то же время просветителем, учителем и воспитателем, то есть носителем авторитета (а значит, представителем власти).

Такая конструкция общества как системы взаимоотношений образованного класса, власти и масс (народ — интеллигенция — власть) возникает только в ситуациях крайней неразвитости социальной структуры в обществе, находящемся в процессе модернизации (реальной или мнимой) самодержав-

ного строя либо переживающем кризис тоталитарного режима, когда отсутствуют другие социальные посредники. Средняя и низшая управленческая и репродуктивная бюрократия тем самым берет на себя задачу символической репрезентации общества в глазах власти (литература выполняет функцию национально-ориентированной публицистики и становится заменой философии, науки, права, морали и др.; по отношению к массе она играет роль недифференцированной бюрократической власти, осуществляя пропаганду, цензуру, технологическое управление, социальный контроль)¹⁰.

«Интеллигентские» настроения и взгляды (см. подверстку на этой стр.) определяются крайне ограниченными возможностями карьеры, замедлением социальной мобильности, систематическим снижением авторитета и диапазона GRATIFICATION по мере расширения самого данного слоя (девальвация статуса и квалификации; ярким примером здесь является так называемое пере-производство инженеров). Вследствие этого даже на этих средних уровнях происходит нарастание критических настроений в отношении номенклатуры (мечты о «социализме с человеческим лицом»), но вместе

Свойства среднего бюрократа

Для типовой бюрократии, принимающей в качестве матрицы самоидентификации интеллигентские мифологемы и образцы, характерны следующие черты:

- двойная структура управления: партийно-идеологический (общественники) и административно-ведомственный контроль, двойное предназначение и подконтрольные типы «разрешенной» мобильности;
- проблематичность социального роста, его ограниченность или затрудненность, общее либо типовое высшее образование при слабой специализации, отсюда — низкая индивидуальная продуктивность, компенсируемая избыточной численностью занятых; девальвация качества высшего образования. Тем не менее средний уровень компетентности и квалификации здесь выше, чем в верхах и у номенклатуры, что, в свою очередь, становится источни-

ком критического отношения к социальной действительности;

- корпоративная идеология и идентичность — позиция между властью и массами; сочетание цинизма и мечтательности; подавление установок на достижение и чувства ответственности за свое положение;
- идеологические составляющие мифологии советской интеллигенции содержат главным образом целостные или тоталистские конструкции реальности, лишённые исторической определенности («власть», «народ», «Запад» и т. п.). Положение отдельного представителя интеллигенции не зависит от признания его профессиональных достижений, а значит, не предполагает среди критериев оценки служебной либо профессиональной деятельности таких характеристик, как эффективность, учет реальности, интеллектуаль-

ная или социальная ответственность и пр. Изоляция от внешнего мира, аморфность и невыраженность критериев профессионализма, компетенции, отсутствие навыков открытой конкуренции, дискуссии, аргументации объясняют неприязнь интеллигенции к рациональности. Одновременно преувеличиваются ценность и значимость чувствительности, социального сентиментализма;

- наличие контролируемого центра (приближенные к власти) и исполнительской периферии (сотрудники закрытых «ящиков»). Ослабление идеологического контроля в подобных учреждениях предполагает более высокую оценку и самооценку профессиональных качеств и способностей в сравнении с учреждениями «общего режима»;
- потенциал аморфного, направленного недовольства и напряжения в среднем и нижнем контурах управления, вызванные склеротизацией карьерного лифта и вертикальной социальной мобильности.

с тем проявляются нежелание, неспособность либо неготовность к выработке других представлений об обществе, отсутствуют иные, более общие и долговременные ориентиры. Это сочетание узкой специализации и моральной неразвитости, релятивизма связано с постоянной готовностью при-

Отбор и репродукция: ставка на понижение

Отсутствие механизмов представительства и дискуссии в элитах данного типа в условиях закрытой системы управления ведет к парадоксальному распределению компетенции, информированности, эффективно-

“Карьерная история тех, кто в данный момент находится у власти, строилась по правилам, заданным ведущими институтами предыдущей эпохи”.

способиться к административному произволу и неустанными усилиями в этом направлении. Так называемые комплексы интеллигенции представляют собой сочетание завышенной самооценки, основанной на сознании приобщенности к культурному наследию страны, и неполноценности, рождающейся из практической несостоятельности интеллигентов, из отсутствия у них адекватных средств gratification, которая должна была бы поступать от специализированных институтов. Отсюда и мечтательность, неспособность к солидарности и практической деятельности, склонность к утопизму, будь то романтизация западных «нормальных» обществ либо традиционалистский фундаментализм (консервативное почвенничество), имеющие по преимуществу компенсаторный характер. И то и другое обусловлено отсутствием связи между профессиональной квалификацией и социальным, а также административным положением, зависимостью gratification образованных слоев (достаточно скромной) от групповых интересов, представлений и норм более широких слоев населения, а значит, существованием вертикальных фильтров, не пропускающих к значимым и влиятельным позициям слишком самостоятельных индивидов, ориентированных на ценности и нормы своей «автономной» сферы.

сти принятия решений, сохраняющемуся и по сей день. Наивысшей компетентностью обладают средние статусные уровни, достигшие потолка «полномочий». Они не могут продвинуться выше, поскольку при действующей в России организации власти установлен барьер: вышестоящая инстанция подбирает себе удобных исполнителей, но именно исполнителей, а не соперников и заместителей. А коль скоро отсутствует открытая конкуренция за власть по прозрачным и формальным правилам (например, в ходе честной борьбы за победу на выборах), то остается единственная возможность регулярного или систематического обновления состава властвующей элиты — кооптация в состав правящей группы по личным или частным основаниям, вне зависимости от фракционной либо исходной групповой принадлежности, далеко не всегда связанной с квалификацией кандидата или даже совсем от нее не зависящей.

Ниже среднего статуса находятся исполнители разной квалификации, которые могут выступать в роли как номенклатурных кандидатов (карьеристы), так и собственно «молодых и перспективных» специалистов. Во втором случае они имеют некоторые, хотя и не очень высокие шансы на управленческую карьеру среднего уровня (но не политическую: они не могут стать членами номен-

клатуры без утверждения их вышестоящими инстанциями).

Проблема неэффективности нынешней российской власти состоит в таком сочетании «политического» и «компетентного», которое предполагает установку исключительно на интересы конкретных лиц, наделенных властными полномочиями. При этом, с точки зрения бюрократии, представители власти, которых они обслуживают, являются дилетантами; они не только «некомпетентны», но и к тому же вместо решения технологических задач ориентированы на достижение консервативных или даже реакционных политических целей. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что «социальный генезис», карьерная история тех, кто в данный момент находится у власти, строилась по правилам, заданным ведущими институтами предыдущей эпохи. В таких условиях задачи политики как институциональной подсистемы неизменно сводятся к механическому соединению прежних образцов и отношений с текущими задачами управления, сформулированными в категориях интересов данной группы и задач ее самосохранения¹¹. Подобные «полити-

не зависящей от интересов и действий тех, кто в текущий момент находится у власти. Фильтры, отсекающие возможных кандидатов, могут быть самыми разными: и членство в партии (в КПСС или в действующей «партии власти»), и принадлежность к клановым группировкам либо к закрытой корпорации («органы»). Могут быть и иные, не вербализуемые критерии лояльности и причастности к «своим». Но, так или иначе, в данной системе власти политика всегда будет подвергаться бюрократической стерилизации. Поэтому государство неэффективно, а околополитическая «элита» всегда коррумпирована и аморальна. Реакция же всей системы на некомпетентность властной верхушки будет заключаться в разрастании слоя исполнителей, увеличении численности чиновничества и усилении бюрократизма государства в целом¹².

Оценка достоинств и достижений в системе «эраза-элиты» этого типа не столько зависит от индивидуальных достоинств и достижений, сколько соотнобразует с мнением вышестоящего начальства. Именно оно является мерилем того, что ценно и важно в действиях представителей «элиты», а что — нет. Кого можно считать «политиком» либо «уче-

“История советской науки дает массу примеров того, как малообразованные и ограниченные политики заводили в тупик развитие целых областей”.

ки» стремятся использовать квалификацию исполнителей, но при этом ограничить их влияние; тем самым они сохраняют неизменным характер политического целеполагания. Номенклатурный принцип организации власти, поддерживаемый правящей группировкой, препятствует автономизации данной сферы, институционализации компетентности и правил ее приобретения и признания. Иными словами, этот принцип противоречит возникновению открытой конкуренции в занятии ведущих социальных позиций,

какой центр занимается «наукой», а какой — нет, кто может преподавать в университете, а кто — нет — все это определяется не сообществом самих ученых или попечительскими советами университетов, а внутренними инструкциями соответствующих ведомств, что, в свою очередь, задает порядок предоставления субсидий, правила законодательного регулирования деятельности в этих областях, характер налогообложения и т. д. Это означает, что в социуме, во-первых, отсутствуют механизмы политического,

гражданского, культурного представительства социальных и экономических групп, территорий, меньшинств разного рода; во-вторых, нет и не может быть публичного и открытого обсуждения представленных программ, точек зрения, позиций, интересов или стратегий политического действия, отсутствуют политические механизмы участия и конкуренции; в третьих, действуют силы, либо нивелирующие потенциальные достижения и многообразие, либо значительно снижающие порог их признания, то есть работающие по схеме «я — начальник, ты — дурак».

В социологическом плане эти положения можно сформулировать иначе: в социуме описываемого типа не возникают (либо последовательно подавляются) или структурно-функциональной дифференциации и специализации. Стремление усилить централизованный контроль над различными сферами политики, бизнеса, судопроизводства, частной жизни (включая и потребление) равнозначно подавлению автономизации дифференцирующихся сфер социальной жизни.

Конечно, в реальности, как это происходило и в советское время, возникают различного рода обходные пути. Принимая экстренные меры для стимулирования динамики в нужных направлениях, Администрация президента, как и высший слой номенклатуры в СССР, вынуждена допускать существование сфер компетенции, не подпадающих под ее контроль, но ограниченных определенными рамками (таких, как служебное пользование или секретность). Раньше это были «шарашки», НИИ, «ящики», сегодня — «центры стратегических исследований», аналитические отделы при администрации и т. п. Подобная тактика несколько смягчает неизбежную деградацию правящего класса, но не обеспечивает принципиального решения социальных, экономических, политических проблем социума. При такой организации

управления эффективность власти падает и нарастает неспособность решать встающие перед страной задачи. Напряжения, которые копятся внутри системы власти, прорываются периодическими кризисами — в момент перехода власти от одной группировки к другой или смены режима, когда происходит заметное обновление персонального состава правящей верхушки. При этом система сохраняет свои принципиальные особенности (меняется конфигурация сил, хотя сами по себе институты неизменны).

Принципиальная непубличность общественной жизни, изолированность различных ее частей и сфер друг от друга, закрытость страны в целом от внешнего мира в советское время стали причиной деградации и самоизоляции правящей верхушки. Это предопределило отставание СССР от мирового развития даже в тех областях, которые считались ключевыми и приоритетными для руководства страны. Специфика организации верхнего социального слоя в советское время производила эффект «понижающего трансформатора»: деятельность специальных институтов становилась все менее эффективной из-за «встроенного» в саму систему принципа недооценки специальных компетенций и знаний, идеологическим и политическим «контролем над спецдами». Упомянутые выше особые зоны, где идеологические соображения теряли свою силу («ящики», закрытые города и производства), были попыткой преодолеть снижение эффективности. Но и в этих случаях автономность и авторитетность носителей специальных знаний были, как выяснилось впоследствии, резко ограничены. История советской науки, прежде всего космических исследований, ракетостроения, авиации, создания ЭВМ и компьютерной промышленности, дает массу примеров того, как малообразованные и ограниченные политики заводили в тупик развитие целых областей

науки и высоких технологий. Другими словами, необходимая по функциональным характеристикам гетерогенность данной группы (разнообразии специализации, компетенций, опыта и точек зрения) систематически нивелировалась вышестоящими инстанциями. При этом терялись важнейшие качества независимой элиты — ее «политичность», развитость и гибкость социального воображения, способность принимать решения с учетом многообразия факторов «на входе».

Есть еще один социологически крайне важный момент, хотя и редко обсуждаемый в литературе. Нельзя говорить об «элите», если соответствующая группа не обладает способностью воспроизводиться, от поколения к поколению сохранять и усложнять свою внутреннюю структуру, рафинировать композицию определяющих для нее либо для какой-то ее функциональной подгруппы значений и идей и — в результате — не может повышать и даже удерживать свое положение в социальной системе при смене конкретных личностей и поколенческих «волн». Без учета данного фундаментального обстоятельства невозможно отличить элиту от тех или иных активистских клик, кланов, организованных группировок. Точно так же различие между ними пропадает, если не принимаются во внимание условия и механизмы формирования данных групп, формы удостоверения их образцовости и авторитетности, каналы коммуникации с другими¹³. Поэтому приобретает особую остроту вопрос о механизмах сохранения и воспроизводства «элит» в советских условиях, на стадиях ослабления централизованной системы контроля (хрущёвская «оттепель») и особенно в постсоветский период.

Назначенные элиты и проблема реформ

Таким образом, российская «элита» представляет собой нечто прямо противополож-

ное соответствующему европейскому понятию. Правильнее было бы, как уже говорилось, называть ее «позиционной элитой», подчеркивая тем самым, что эти группы являются вырожденными формами номенклатуры, заместителями (суррогатами) независимых авторитетов. В любом случае это назначенцы, люди, поставленные на влиятельные позиции властью, начальством и, следовательно, зависимые от власти и подчиняющиеся ей. Тем не менее следует задаться вопросом: в какой степени можно говорить о модернизационном потенциале этой разновидности псевдоэлиты?

Для проверки соответствующей гипотезы (российская элита является реальным носителем ценностей модернизации, движущим началом процессов модернизации страны) Левада-центр по заказу фонда «Либеральная миссия» провел в 2005–2006 годах серию социологических исследований¹⁴.

При эмпирическом исследовании верхних слоев политического, экономического, культурного истеблишмента первое, с чем мы столкнулись (если не считать явно усилившейся с приходом Владимира Путина социально-корпоративной закрытости тех, кого можно отнести к российской элите), было отсутствие у большинства опрошенных ощущения, что страна, ее социально-политический порядок, унаследованный характер бюрократического управления нуждаются в кардинальных реформах. Большинство наших респондентов не считают, что в том стратегическом курсе, которым сегодня следует Россия, необходимы принципиальные сдвиги, поскольку иначе (как гласила формулировка нашего вопроса) ей угрожают быстрая деградация или распад.

Обратим внимание, во-первых, на то, насколько близки в среднем мнения «верхов» и «массы» россиян. Во-вторых, отметим резкий контраст между нынешней убежден-

ностью в том, что «все хорошо» и никакие реформы не нужны, с теми умонастроениями, которые преобладали в стране в целом и во властных кругах в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Тогда представители образованного слоя советского общества, директора, чиновничества, интеллигенции да и более широких слоев остро осознавали необходимость кардинальных изменений в стране. Они не знали, куда именно следует двигаться и что делать, но представление о конце эпохи и даже всего советского укла-

да было на рубеже 1980–1990-х достаточно распространено в разных социальных группах¹⁵.

В целом доля тех, кто считает перспективу ухода страны на периферию мировых процессов «очень вероятной», составляет всего 10 процентов. Несколько чаще озабочены таким вариантом развития событий лишь три подгруппы опрошенных: представители частного бизнеса (18 проц.), депутаты местных законодательных собраний (20 проц.) и в наибольшей степени московские экс-

Таблица 1

МОЖЕТ ЛИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, РОССИЯ ПРИ СОХРАНЕНИИ НЫНЕШНЕГО ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ ПРЕВРАТИТЬСЯ В ПЕРИФЕРИЙНУЮ СТРАНУ, НАХОДЯЩУЮСЯ В ИЗОЛЯЦИИ ОТ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА?		
Категории опрошенных	«Очень вероятно» + «достаточно вероятно»	«Маловероятно» + «исключено»
Элитный опрос (в среднем) *	35	64
Население в целом **	23	62
Заместители губернаторов	34	65
Высокопоставленные представители исполнительной власти на местах	28	72
Руководство федеральных округов	10	90
Депутаты ГД и региональных законодательных собраний	53	47
Крупный и средний частный бизнес	45	53
Руководители организаций и союзов предпринимателей	49	51
Директорат крупных госпредприятий	43	57
Высокопоставленные сотрудники судов и прокуратуры	21	79
Высокопоставленные офицеры армии и МВД	26	72
Руководители региональных СМИ и профессура местных университетов	41	57
Московские интеллектуалы	72	28

* Число всех опрошенных представителей «элиты» составляет 578 человек.

** В % к числу опрошенных; здесь и далее приводятся данные сопоставимого по некоторым формулировкам с элитным опроса, проведенного в августе 2006 г. (стандартная общероссийская репрезентативная выборка, N=1600, затруднившиеся с ответом не приводятся).

перты (26 проц.), однако и среди них такого рода озабоченность не выглядит слишком распространенной. Рост цен на нефть и превращение России в важнейшего игрока на мировом рынке энергоресурсов как будто бы сняли всякую остроту вопроса о реформах¹⁶. В этом смысле у большинства опрошенных в отношении перспектив развития страны преобладает сравнительно новый

общественная группа либо институт, а именно и единолично Владимир Путин. Причем эта всеобщая уверенность распространяется и на московских интеллектуалов (68 проц.), мнения которых во многом заметно (а зачастую и радикально) отличаются от прочих групп респондентов. Для данной подгруппы, как и для всех остальных, Путин должен быть инициатором модернизации экономи-

“И власть, и элиты связывают перспективы российской «модернизации» с усилением государства и повышением его роли в мире, а не с эмансипацией общества”.

тон благодушной уверенности, самоуговаривания и внушения другим, что мы движемся в правильном направлении, постепенно и как бы автоматически, само собой в более или менее отдаленной перспективе сближаясь с другими развитыми странами. Подобный взгляд на вещи предполагает, что социальный порядок может быть обеспечен только вполне конкретной структурой нынешней централизованно-иерархизированной власти и композицией составляющих ее группировок. В целом наша «элита» не заинтересована ни в каких изменениях, будь то в новых политических партнерах (значимых «других») и в новых отношениях с ними, или в установлении конструктивного диалога, разделении власти и ответственности. И это в нынешней ситуации главное.

Какую же политику государства эта «элита» считает оптимальной? В том, что страна должна развиваться, у опрошенных сомнений нет. Важно, кто, по их мнению, задает направления развития и определяет соответствующий политический курс. Абсолютное большинство опрошенных (86 проц.)¹⁷ без тени сомнения полагают, что такой фигурой является исключительно президент Путин, — не та или иная партия,

подъема благосостояния населения. При этом и опрошенные представители «верхов», и население страны оценивают реальные реформаторские шаги президента более чем скромно.

Такое несоответствие низкой оценки реформаторских достижений президента и готовности верить ему судьбу страны респонденты оправдывают тем, что у Владимира Путина нет команды, необходимой для решения задач модернизации: подобное мнение разделяют 62–64 проц. представителей российской «элиты» (еще более категоричны в этом отношении представители бизнеса и московские эксперты: здесь такую оценку высказывают 71 и 83 проц. опрошенных соответственно). С ответами большинства в наибольшей степени расходятся слова тех, кто, собственно, и составляет опору путинского режима, — сотрудников аппарата федеральных округов, кадровый состав которых, по данным Ольги Крыштановской¹⁸, в основном укомплектован бывшими сотрудниками спецслужб. В этой подгруппе столько же человек (64 проц.) решительно утверждают, что такая команда у президента, напротив, есть. К ним приближаются чиновники из ведомств

исполнительной власти, «силовики» из армии и МВД, а также работники прокуратуры и судебных органов (44–47 проц.).

Получается довольно странная картина: на фоне общей убежденности опрошенных в благих намерениях президента четко вырисовываются две полярные позиции относительно его команды. Одна группа мнений сводится к тому, что добрые намерения Путина остаются лишь общим пожеланием. Они декларативны, поскольку поставленные цели не могут быть реализованы из-за отсутствия квалифицированных исполнителей. Вторая группа выражает (хотя и не так категорично) уверенность в том, что необходимая команда исполнителей у Путина

есть; правда, эту точку зрения высказывают в основном именно назначенные «исполнять» верховные решения, которым большинство представителей российской «элиты» отказывает в доверии и чью компетенцию не признаёт.

Опыт последних лет свидетельствует о том, что именно «путинский набор» — чекисты, прокуроры, новые кадры в органах исполнительной власти, генералитет, «силовики» из разных ведомств — менее всего склонен к соблюдению правовых норм в своей деятельности; чиновников этого «набора» трудно назвать сторонниками демократии и правового государства, защитниками частной собственности и других неотчуждаемых

Таблица 2

КАКИЕ РЕАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИНЕСЛИ РЕФОРМЫ, ОБЪЯВЛЕННЫЕ ПУТИНЫМ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ? (В % К ЧИСЛУ ОПРОШЕННЫХ В КАЖДОЙ ГРУППЕ)						
Реформы	Позитивные результаты		Негативные результаты		По-настоящему еще и не проводились	
	Массовый опрос	Элитный опрос	Массовый опрос	Элитный опрос	Массовый опрос	Элитный опрос
Назначение губернаторов	33	60	28	27	31	13
Военная	28	24	20	21	45	56
Пенсионная	28	27	40	32	27	42
Монетизация льгот	27	32	51	57	18	11
Образования	24	10	39	43	32	46
Административная	22	32	22	22	49	46
Здравоохранения	22	10	43	41	31	49
Налоговая	18	45	28	21	43	32
Организации партий	15	35	26	32	47	33
Судебная	13	31	21	20	55	49
ЖКХ	8	8	59	33	30	58

прав и свобод человека. Именно под их давлением проведены контрреформы последних лет, позволившие говорить об установлении полицейского государства в России. Будучи выходцами из наименее реформированных тоталитарных институтов либо их представителями, эти назначенцы занимают наиболее консервативную и жесткую позицию во всех вопросах, касающихся советского прошлого и роли репрессивных органов. Их выступления отличаются антизападной риторикой, ностальгией по прошлому, ксенофобией и расовой или этнической нетерпимостью, склонностью к проведению политики изоляции страны и ограничения свободы граждан, усиления государственного контроля в экономике и в частной жизни. При этом большая часть тех, кто критически или негативно оценивает работу администрации Путина и высшей федеральной власти, выстроенной президентом по вертикали, полагают, что выдвиженцами путинского призыва движет главным образом желание любой ценой удержать власть, защитить то положение, которого они достигли: так считают от 55 до 65 проц. опрошенных в разных подгруппах, а среди московской элиты даже 70 процентов. В противоположность этому мнению путинские «исполнители» заявляют, хотя и не так уверенно, о стремлении данного аппаратного контингента превратить Россию в современную, экономически развитую и социально благополучную страну: тут сходятся во мнениях от 33 до 42 проц. респондентов из «опорных» для президента номенклатурных подгрупп.

Хотя основная масса опрошенных (из числа относимых к элите) не сомневается, что Россия так или иначе движется либо будет двигаться в сторону рынка и демократии, мнения об оптимальном характере этого движения у разных подгрупп опрошенных расходятся. Из них 35 проц. полагают, что предпочтительнее была бы модель евро-

пейской модернизации — быстрое и последовательное движение к рынку и демократии, к правовому государству. Почти столько же (31 проц.) склоняется к медленному, эволюционному развитию страны в сторону рыночной экономики, направляемой сильным централизованным государством, которое базируется на традиционных национальных ценностях и особенностях. 18 проц. респондентов считают желательным не копирование чужого опыта, а следование особому российскому пути, который непохож ни на один из названных выше, то есть опять-таки ссылаются на национальные особенности. Другими словами, само по себе поле представлений о предстоящем развитии страны крайне расплывчато, неопределенно и слабо проработано. У элиты, несмотря на ее видимую консолидацию вокруг Путина, нет ни согласия в отношении будущего, ни предпочтительных политических целей.

Сказанное выше может означать, что в России идея модернизации не является политической по своему характеру; перед нами не стратегия развития либо реформ, а легитимационная составляющая любых представлений о российской (или еще советской) власти, часть ее легенды. Поэтому прочие идеологемы и представления о предпочтительности пути развития страны мало связаны с этим довольно туманным комплексом пожеланий и проекций, в которых, подчеркнем, гораздо большее значение придается традиционным ценностям, и в первую очередь сильному патерналистскому государству. Модернизация в такой картине мира (в самоопределении элит) нужна лишь для обеспечения политики «великой державы»: для наращивания военной мощи, потенцияла силовой геополитики, которая позволила бы более тесно привязать к себе соседние государства либо бывшие сателлиты, отошедшие от России в годы развала советской империи. Иначе говоря, и власть, и элиты

связывают перспективы российской «модернизации» с усилением государства и повышением его роли в мире, а не с эмансипацией общества от него, с ограничением государственно-административного произвола или с политикой последовательной деэтизации, как это было в большинстве стран Европы в XIX и в начале XX столетия. Такому пониманию соответствуют и материальные интересы новой номенклатуры, приватизировавшей в свою пользу как госсобственность, так и часть распределительных, контрольных и других функций государства.

На этом общем фоне более заинтересованными в модернизации России (по западному пути, то есть выбирающими развитие демократических институтов и рыночной экономики) кажутся крупные предприниматели, журналистская элита и часть региональной политической верхушки (в первую очередь депутаты областных законодательных собраний, среди которых в последнее время становятся все больше местных бизнесменов)¹⁹.

Их противники в данном вопросе — это прежде всего «силовики» как в армии, МВД и других военизированных органах власти, так и во вновь образованных при Путине структурах (например, в аппарате руководства федеральными округами, который в основе своей состоит из людей в погонах). Близки к

риторику социального обеспечения (которое было обещано государством при социализме, но никогда не было в полной мере осуществлено на деле). Эти лозунги непохожи на лозунги шведских социал-демократов, а представляют собой парадокс советского государственного патернализма. Поэтому подобная демагогия, являясь основой корпоративной самоидентичности, предназначена не столько для потенциальных избирателей, сколько для «своего круга».

Самоотрицание элиты

Символическая «передача» Путину всех полномочий для осуществления модернизации страны, мандата на реформаторскую власть (своего рода групповая самокастрация или, скажем мягче, групповое символическое самопожертвование элиты, которая, однако, цепко держится за власть и вполне прагматична в своих карьерных расчетах) обусловлена еще одним существенным обстоятельством: у большинства опрошенных из разных подгрупп элиты, по их признанию, нет ни собственных идей относительно развития, ни способностей выработать самостоятельные экономические, политические и социальные программы.

Говоря о появлении долгосрочной программы, респонденты (все без исключения)

“У элиты, несмотря на ее видимую консолидацию вокруг Путина, нет ни согласия в отношении будущего, ни предпочтительных политических целей”.

«силовикам» и сторонники «политики социальной справедливости», социального государства, среди которых относительно больше директоров крупных госпредприятий, чиновников из структур исполнительной власти федерального, регионального или местного уровня. В наших условиях такого рода программа представляет собой популистскую

возлагают надежду на *экспертов*. Максимум доверия к ним высказывают полярные группы: руководство федеральных округов, «силовики» и журналисты. Понятно, что в различных подгруппах опрошенных состав и роль аналитиков понимают по-разному. Для номенклатуры это, скорее всего, близкие к ней либо напрямую обслуживающие ее кон-

сультанты, которые, разумеется, не обладают реальной властью, поскольку им ее никогда не доверят. Для бизнес-сообщества и руководителей СМИ эксперты это независимые группы специалистов, конечно же близких к ним самим по взглядам и ориентациям. Упор на стратегическую роль и потенциал экспертов означает, что общество мыслится по-прежнему как иерархически устроенное и бюрократически управляемое, что инициативы могут идти только от «просвещенного» авторитаризма, причем в роли просве-

ни гражданское общество в России, по мнению опрошенных, не в состоянии выдвинуть заслуживающие внимания программы и цели развития страны.

Недоверие к политическим партиям высказывают все подгруппы российской элиты²⁰, кроме тех, что являются опорой путинскому режиму (руководство федеральных округов, судебных и правоохранительных органов, высшее офицерство, командование МВД). Последние высоко оценивают продуктивный потенциал партий,

“Разделение элит идет не по принципиальным основаниям, а между теми, кто приближен к высшей власти, и теми, кто претендует на близость к ней”.

тителей выступает отобранная, одобренная и выстроенная той же властью элита. Другие источники саморазвития и движения отсутствуют даже как мыслительная конструкция.

По потенциалу стратегического развития страны на втором месте у опрошенных фигурируют *представители крупного бизнеса* (ставку на бизнес делают прежде всего сами предприниматели и представители деловых ассоциаций, а также журналисты). Крупный бизнес в России, как показывает опыт последних лет, и особенно «дело ЮКОСа», труслив, не имеет собственных политических амбиций, тесно связан с высшей властью и все чаще непосредственно включен в ее структуры. Вместе с тем крупные монополии либо корпорации никогда и ни в какой стране не были особенно заинтересованы в демократии и общественном самоуправлении, в свободном рынке, конкуренции и правовом государстве. Может быть, поэтому московские аналитики и интеллектуалы весьма скептически относятся к модернизационной, реформаторской роли бизнеса.

При этом принципиально важно, что ни политические партии, ни деятели культуры,

подразумеваемая под этим, как свидетельствуют их ответы и комментарии, только «Единую Россию». Напротив, наиболее критическое отношение к утвердившимся политическим партиям (в первую очередь к партиям власти, а также ЛДПР и «Родине») отмечено у московских интеллектуалов, основная масса которых голосовала за СПС или «Яблоко».

Это значит, что в сознании российской элиты нет даже намека на возможность изменения режима легальным образом — нет идеи институциональной дифференциации, обеспечивающей отделение государства от общества, систему контроля над государством, и прежде всего над узурпирующими власть исполнительными и административными органами.

Можно считать это приговором российской элите, вынесенный ее же представителями. В социологическом плане такое отношение опрошенных элитных подгрупп к себе самим означает, что представители элиты снимают с себя функции определения и обсуждения целей развития, задач государства, репрезентации интересов различных социальных групп. Они не стремятся предла-

гать программы реализации национальных задач и уж тем более конкурировать друг с другом, доказывая, чья программа эффективнее и правильнее. Иными словами, они отказываются участвовать в выработке и обсуждении собственно политических вопросов²¹. Целеполагание не является функцией нынешней российской элиты, а это значит, что в данном обществе нет политики как института.

По общему мнению опрошенных, наибольшей властью и влиянием на президента пользуются «силовики», из которых вышел и сам Путин. Слабее выглядят, по ответам респондентов, позиции авторитетных экономистов, еще слабее — влияние глав бизнес-корпораций. О руководителях же крупнейших партий и думских фракций можно и

не говорить: ритуальные встречи президента с ними избиратели могут видеть на экране телевизора, но реального влияния на решения и общий курс они, по общей оценке респондентов, практически не оказывают.

Для проведения решений на уровне высшей власти необходимы личная близость к президенту (так полагают 70 проц. опрошенных) или — что почти то же самое — доступ к его администрации. Для 44 проц. в качестве такого инструмента выступают корпоративный административно-бюрократический ресурс и крупный капитал. Большинство респондентов (53 проц.) полагают, что и через десять лет, какие бы перемены ни произошли за это время, власть по-прежнему будет использовать исключительно в собственных интересах отдельные влия-

Таблица 3

ЕСТЬ ЛИ У ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА СЕГОДНЯ В БЛИЖАЙШЕМ ОКРУЖЕНИИ КОМАНДА, НЕОБХОДИМАЯ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ, ПОДЪЕМА БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ? (В % К СООТВЕТСТВУЮЩИМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СТАТУСНЫМ ГРУППАМ ОПРОШЕННЫХ)			
Категории опрошенных	Да, есть	Нет	Да / Нет
В среднем по выборке	37	62	0,6
Заместители губернаторов	36	62	0,6
Представители исполнительной власти	47	53	0,9
Руководство федерального округа	62	31	2,0
Представители законодательной власти	32	68	0,5
Руководители частного бизнеса	20	79	0,3
Руководители организаций предпринимателей	29	71	0,4
Руководители крупных госпредприятий	26	72	0,4
Суд и прокуратура	44	54	0,8
Армия и МВД	45	55	0,8
Руководители СМИ	31	67	0,5
Московские интеллектуалы	17	83	0,2

тельные группы, которые и впредь не станут соблюдать единые для всех демократические нормы и процедуры.

В целом, по общему мнению, выраженному примерно двумя третями (60–70 проц.) опрошенных влиятельных лиц, в «элитах» на нынешний день преобладает именно стремление к сплочению вокруг Путина. Это стремление, как считают респонденты, особенно характерно для «силовиков»,

которые выполняют функцию опоры режима (91 проц. всех респондентов уверены, что силовики настроены на «консолидацию», к которой они будут принуждать и остальных). И это понятно. При исчезновении идеологии, политических ориентиров, общенациональных целей развития главной задачей становится принудительная интеграция околовластных кругов, которые обеспечивают массовое управление, массовую поддержку режи-

Таблица 4

ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДВИЖЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЫСШЕЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ, КАКОВ ГЛАВНЫЙ МОТИВ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ? (В % К СООТВЕТСТВУЮЩИМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СТАТУСНЫМ ГРУППАМ ОПРОШЕННЫХ, ПО ГОРИЗОНТАЛИ; МОЖНО БЫЛО ВЫБРАТЬ НЕСКОЛЬКО ОТВЕТОВ)				
Категории опрошенных	Превратить Россию в современную, экономически развитую, социально благополучную страну	Вернуть стране статус великой державы, восстановить прежний геополитический баланс сил	Любой ценой удержать власть, защитить достигнутое положение	Избежать в будущем преследований со стороны тех, кто может прийти на смену
В среднем по выборке	27	12	47	5
Заместители губернаторов	42	6	38	5
Представители исполнительной власти	43	19	26	4
Руководство федерального округа	34	17	28	10
Представители законодательной власти	27	10	55	4
Руководители частного бизнеса	18	6	65	4
Руководители организаций предпринимателей	16	13	60	4
Руководители крупных госпредприятий	17	14	62	0
Суд и прокуратура	33	8	44	2
Армия и МВД	19	19	47	8
Руководители СМИ	8	10	59	8
Московские интеллектуалы	2	6	70	4

ма или, как минимум, консервируют состояние массовой апатии и «отключенности» от политики. Меньше других, по мнению опрошенных, настроены на такую консолидацию (но именно меньше других, а не «против») опять-таки представители бизнес-сообщества, региональной законодательной власти, руководство крупных госпредприятий и СМИ. Например, у представителей крупного бизнеса полную лояльность предполагают 58 проц. респондентов (38 проц. подобной готовности не видят).

Показательна в этом плане поляризация мнений относительно тех мотивов, которыми, как полагают опрошенные представители элиты, руководствуется сегодня высшая федеральная власть. Представители испол-

Если суммировать позиции, перед нами две оценки мотивов, которые движут сегодняшней властью и окол властной элитой. Менее многочисленная категория опрошенных считает эти мотивы идеологическими; сторонники второй, преобладающей точки зрения полагают, что власть озабочена чисто корыстными интересами. Последнее суждение — не просто выплеск скрытой антипатии представителей разных подгрупп элиты друг к другу, а характеристика реального положения дел, как его видит почти половина наших респондентов. Другими словами, разделение элит идет не по принципиальным — политическим или идеологическим — основаниям, а между теми, кто приближен к высшей власти, и теми, кто претен-

“При исчезновении идеологии, общенациональных целей развития главной задачей становится принудительная интеграция окол властных кругов”.

нительной и судебной ветвей власти в регионах склонны приписывать Центру по большей части добрые побуждения — стремление превратить Россию в современную, развитую и благополучную страну. На взгляд высокопоставленных представителей силовых структур, глав федеральных округов, а также исполнительной власти на местах (иными словами, номенклатуры), в действиях федеральной власти особенно важен мотив возвращения стране статуса великой державы. Напротив, местная законодательная власть, бизнес-сообщество, главы крупных госпредприятий и руководители массмедиа настроены более критически: три пятых этой группы (а среди московских интеллектуалов — 70 проц.) убеждены в том, что сегодняшняя высшая власть отличается исключительной беспринципностью и ею движет только властолюбие, стремление любой ценой сохранить завоеванные позиции.

дует на близость к ней. Чем ближе к власти, тем выше соответствующая оценка идейных мотивов ее деятельности, чем дальше от нее, тем отрицательнее суждения о ее представителях, тем большая готовность к «разоблачению» карьеристов. Это не частное выражение субъективных представлений, а базовый, традиционный механизм делегитимации прошлого режима (советского, постсоветского) при смене руководства и в процессе самооправдания новой власти²².

Вопрос о будущем: дежавю? и т. д.?

Подведем итоги. Мало что столь явно указывает на сервиллизм российской окол властной среды, как отсутствие у нее сколько-нибудь конкретного представления о ближайшем будущем страны либо о своей роли в определении этого будущего, а ведь именно эта функция является интегральной социологической характеристикой элиты, как

таковой. Президент и его ближайшее окружение вынудили потенциально влиятельные группы общества принять новый социально-политический порядок, который сложился в первые годы правления Владимира Путина. Абсолютное большинство опрошенных представителей российской элиты полагают, что предстоящая смена власти пройдет гладко, все сведется к традиционной процедуре аккламации власти, когда Путин и его окружение назовут преемника, а народу останется только одобрить этот выбор и поддержать кандидата-назначенца своими голосами.

ма оценивается участниками опроса как невысокая. Поскольку большинство наших респондентов не склонны «форсировать» процессы модернизации, то сроки начала необходимых реформ отодвигаются на неопределенное либо «более подходящее» время. Оно не наступит по крайней мере до завершения выборного цикла 2008 года, когда прояснится ситуация с преемником или новым руководством. Тем самым проблема модернизации страны утрачивает актуальность и значимость, конкретность и рациональность.

“Три четверти представителей российской элиты не видят никаких альтернатив политическому курсу, избранному руководством страны”.

Ситуация в стране настолько «стабильна», что задача сохранения системы не требует дополнительных усилий, например внесения изменений в Конституцию для санкционирования третьего срока президентства. По мнению преобладающей части наших опрошенных, основным кандидатом в президенты будет «центрист», то есть человек, лишенный каких-либо убеждений и идейных принципов, — не реформатор, но и не национал-патриот. Подобное представление свидетельствует о полной деидеологизации и рутинном цинизме российской элиты. Она не хочет перемен, не видит в них смысла, ценит статус-кво нынешнего режима, а потому будет противиться любым попыткам изменить положение вещей. Три четверти представителей российской элиты не видят никаких альтернативных — ни катастрофических, ни реформационных — вариантов политического курса, избранного руководством страны. Нынешний состав собирается жить долго.

Степень вероятности сценариев «цветных революций» или дестабилизации режи-

Более сдержанно и даже негативно оценивают курс президента и политическое положение в стране те группы респондентов, чей авторитет в принципе мог бы основываться на ресурсах, не связанных с властью: представители бизнеса, депутаты региональных законодательных собраний, журналистская элита в регионах. Преимущественно критически оценивают положение дел в стране, роль и, главное, последствия правления нынешнего авторитарного режима респонденты «московские интеллектуалы», состоящие из ученых-экономистов, правоведов, политологов, писателей, влиятельных политических обозревателей и журналистов и образующие самую информированную, самую квалифицированную часть опрошенных. Однако они не пользуются серьезным авторитетом ни среди властных верхов, ни среди различных групп населения, а потому их мнения вряд ли окажутся услышаны.

Суммируя все сказанное, мы приходим к выводу, что наиболее вероятный вариант ближайшего будущего заключается в сохранении иерархического социального поряд-

ка, а значит, Россия не способна изменить политическую парадигму своего устройства и ей предстоит застой и последующая медленная деградация. Правильнее, наверное, было бы назвать этот прогноз уже не сценарием, а судьбой, аналогичной той, что постигла другие архаические государственные образования, каковы бы ни были их размеры и самомнение.

Так оно и будет, если, конечно, как это не раз бывало в советской истории, неупорядоченность смены власти

не приведет к резкому расколу наверху. Относительное равенство сил и ресурсов борющихся кланов может, наконец, вынудить участников политического процесса выработать нормы и механизмы регламентированной конкуренции за власть, положив тем самым начало институционализации политического целеполагания и ответственности за проводимую политику. Некоторые шансы считать подобный вариант возможным все же имеются. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Наиболее яркой в их ряду выступает основательная монография О. Крыштановской «Анатомия российской элиты» (М.: Захаров, 2005).

² Подробнее см.: *Левада Ю.* Еще раз о проблеме социальной элиты // *Левада Ю.* От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 269.

³ Характерно в этом плане, что в обществах, справедливо считающихся демократическими, наиболее авторитетными фигурами являются не политики, а те, кто профессионально связан с литературой, журналистикой, с участием в актуальных общественных дискуссиях. Если исходить, например, из частоты упоминаний и различных индексов цитируемости в крупнейших немецких газетах и журналах, то деятели культуры и литературы будут составлять примерно от 40 до 60 проц. всех упоминаний, политики же — от 20 до 35 процентов. См., например: *Хлебников Б.* Феномен Грасса // *Иностранная литература.* 2007. № 1. С. 248–252; *Das Grosse Cicero-Ranking 2006 – Die 500 Intellektuellen Deutschlands* // *Cicero.* 2006. April; *Allensbacher Berichte.* 2005. № 14.

⁴ *Хлебников Б.* Указ. соч.

⁵ Первые шаги в этом направлении были сделаны даже чуть раньше — примерно в 1993 г. Тогда же стали появляться исследования и обобщения, относящиеся к условному «началу» реабилитации данного понятия в России и к попыткам осмыслить его потенциал в новых социально-политических и экономических условиях; см.: *Левада Ю. А.* Элита и «масса» в общественном мнении: проблема социальной элиты // *Мониторинг обще-*

ственного мнения: Экономические и социальные перемены. 1994. № 6. С. 7–11; *Ершова Н. С.* Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // *Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития* / Под общ. ред. Т.И. Заславской, Л.А. Арутюнян. М.: Интерпракс, 1994. С. 151–155; *Головачёв Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А.* Формирование правящей элиты в России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 1995. № 6. С. 19–24; 1996. № 1. С. 32–38; *Лейн Д.* Перемены в России: роль политической элиты // *Социологические исследования.* 1996. № 4. С. 30–40, а также см. наши статьи 1993–1994 гг., составившие впоследствии книгу «Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях» (М.: Эпицентр; Харьков: Фолио, 1995).

⁶ Подобная проясняющая работа нужна была бы, конечно, по всему списку понятий, приведенному выше, но мы вынуждены оставить ее за рамками нынешнего рассмотрения.

⁷ Базовое образование советской и постсоветской (послегорбачёвской) номенклатуры выглядит следующим образом: 28 проц. — технические дисциплины; 18 проц. — экономическое образование (что более чем в полтора-два раза выше, чем в среднем доля специалистов с высшим экономическим образованием в выпусках тех лет); 12 проц. — гуманитарные науки, включая юридические специальности; 9 проц. — естественные науки; 9 проц. — марксизм-ленинизм (среди партийных функционеров — 31 проц. с ВПШ), остальные — военное, дипломатическое и пр. (*Головачёв Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А.* Указ. соч. 1995. № 6. С. 20–21).

⁸ Головачёв Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А. Указ. соч. 1996. № 1. С. 38.

⁹ «Интеллигенция» — самоопределение и самохарактеристика, принятые в среде советских ИТР и гуманитарной бюрократии — служащих, учителей, «работников идеологического фронта, науки и культуры». О категории интеллектуальной элиты на Западе, в том числе о ее сравнении с интеллигенцией см.: Weyl N. *The Creative Elite in America*. Wash.: Public Affairs Press, 1966; Znaniecki F. *The Social Role of the Man of Knowledge*. N. Y.: Harper & Row, 1968; *On Intellectuals: Theoretical Studies, Case Studies* / Philip Rieff (ed.). Garden City, N. Y.: Anchor / Doubleday, 1969; *The Intelligentsia and the Intellectuals: Theory, Method, and Case Study* / A. Gella (ed.). Beverly Hills, CA: Sage, 1976; Konrád G., Szelenyi I. *The Intellectuals on the Road to Class Power*. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1979; Bauman Z. *Legislators and Interpreters: On Modernity, Post-Modernity, and Intellectuals*. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 1987; Bourdieu P. *The Corporation of the Universal: The Role of Intellectuals in the Modern World* // Telos. 1989. No 81. P. 99–110; Coser L. A. *Men of Ideas: A Sociologist's View*. N. Y.: Free Press, 1997; Шарль К. *Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века*. М.: Новое издательство, 2005.

¹⁰ Подробнее см. в нашей указанной выше книге «Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях».

¹¹ Около 60 проц. представителей номенклатуры в 1988 г., уже после горбачёвской перестройки и многочисленных отставок высших партийных руководителей, занимали номенклатурные должности и в 1983 г.: «значительная доля бывших номенклатурных работников либо остались на высших государственных и управленческих постах, либо заняли близкие к ним должности» (Головачёв Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А. Указ. соч. 1996. № 1. С. 37). 70 проц. экономической элиты в 1993 г. были в 1988 г. либо руководителями крупных предприятий, либо высшими должностными лицами в министерствах и ведомствах (Там же. С. 36).

¹² За 10 лет (с 1994 по 2004 г.) общая численность сотрудников властно-государственных органов увеличилась на 31 проц. (с 1 004,4 тыс. человек до 1 318,6 тыс. человек), в том числе в структурах исполнительной власти — на 23 проц., суда

и прокуратуры — на 80 проц., в законодательных органах — в три раза. См.: *Российский статистический ежегодник*. 2005: Стат. сб. М.: Росстат, 2006. С. 42. См. также: Гавриленков Е. *Русский крест: Выступление на конференции «Россия вчера и сегодня: нереализованный выбор»*, посвященной памяти О.Р. Лациса (25 апр. 2006, Центр А.Д. Сахарова).

¹³ Подробнее см.: Левада Ю. *Элита и масса — проблема социальной элиты* // Левада Ю. *От мнений к пониманию...* С. 207–209.

¹⁴ В статье используются материалы трех волн опроса представителей различных категорий влиятельных кругов, авторитетных лиц, лидеров общественного мнения — пробного стандартизованного интервью влиятельных лиц политической, экономической, культурной сцены; анкетирования руководителей административного аппарата (регионального или федеральных ведомств, крупного и среднего бизнеса, судейской власти, правоохранительных органов, армии, депутатского корпуса, лидеров и ведущих функционеров политических партий, руководителей СМИ, культурных и научных учреждений); анкетирования представителей московского интеллектуального сообщества. В развернутом виде анализ всех этих материалов будет опубликован в книге: Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. *Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования* (готовится к печати).

¹⁵ Это фиксировалось опросами старого ВЦИОМа. См.: *Есть мнение! Итоги социологического опроса* / Под общ. ред. Ю.А. Левады. М., 1990 и др.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 2–3.

¹⁷ Среди руководителей федеральных округов и сотрудников правоохранительных органов практически все.

¹⁸ Крыштановская О. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров, 2005.

¹⁹ Именно эти группы элиты, условно описываемые как более продемократические, опасаются негативной перспективы для страны — того, что «Россия при нынешнем порядке вещей превратится в периферийную третьестепенную страну, изолированную от большого мира».

²⁰ Как и среди населения: «полное доверие» к такому институту, как «политические партии»,

высказывали на протяжении всех последних 10–12 лет от 4 до 6 проц. опрошенных, «полное недоверие» – от 33 до 39 процентов.

²¹ Как сказал Б. Грызлов, «Дума не место для дискуссий».

²² О действии этого механизма см.: *Дубин Б.* Масса и власть: коллективный образ социума и проблемы его репродукции // *Вестник общественного мнения.* 2007. № 2. С. 16–17.